

— Мы... онмёдзи. Пришли, чтобы во всём разобраться, — Сакуя запнулась.

Слова застревали в горле, особенно теперь, когда перед ней лежал человек в столь кошмарном состоянии. И все же, преодолевая муки, старик упрямо продолжал шептать священные тексты. В его молитве звенела чистая, смиряющая сила, способная успокоить даже самых яростных призраков. А позади него, в окутанной липким шелком глубине темницы, непрестанно кружили смутные силуэты.

— Вот как... Наконец-то хоть кто-то пришел, — хрипло, сквозь силу отозвался монах. — Но эти несчастные слишком опасны. Им уже не помочь... Все, что мне под силу — облегчить их уход молитвой, вымолить для них упокоение.

Старик натужно выдохнул. Силы давно покинули его истощенное тело, к тому же одна рука была намертво примотана липкой паутиной к деревянной створке ворот. Висеть в таком положении часами, лишаясь возможности даже присесть, было невыносимой пыткой, высасывающей последние остатки жизни.

— Ничего, мы сможем... — попыталась обнадежить его Сакуя, но договорить не успела.

Почуввав живую кровь, тени запертых людей безумно завывали и с яростной силой обрушились на запертые двери.

— Бегите! Немедленно уходите отсюда! — на изрезанном морщинами лице монаха отразилось глубокое отчаяние. — Я-то думал...

Не успели онмёдзи опомниться, как тяжелые ворота сокрушительным ударом выбило наружу. Ближайшая тень хищным росчерком метнулась прямо к Сакуе.

— Сакуя, берегись! — в ужасе закричал Дотин. — Это же та самая тварь, что нападала на нас в источнике!

Сайга с яростным ревом оттолкнул хозяйку, приняв удар на себя. Когти безжалостно вспороли его бок — на шкуре мгновенно проступили четыре глубокие, сочащиеся кровью раны.

— Сайга! — вскрикнула Сакуя.

Спешно оборвав поток духовной силы, она отозвала израненного пса, и тот растаял в воздухе серой дымкой. Однако тварь уже перемахнула через поверженного защитника и прыгнула прямо на девушку.

— Повинуйся указу! — рявкнул Дорё, швыряя зачарованный листок бумаги. — Обезьяна, вперед!

Призванный дух-обезьяна ворвался в схватку, полоснув тварь когтистой лапой. Особого вреда этот выпад не причинил, но заставил безумца замереть на месте.

В то же мгновение брошенный Дорё талисман вспыхнул яростным пламенем. Багровые отсветы выхватили из полумрака искаженные черты монстра — это действительно был тот самый безумец, с которым Сакуя столкнулась в Идзуми-доно.

Но настоящий ужас сковал их секундой позже, когда вслед за первым мертвецом из распахнутых ворот темницы хлынула целая толпа — не меньше десятка точно таких же жутких теней.

— Манджушри, если увидишь ты мужа или жену, истомленных хворью, обрати к ним чистое помыслами сердце... — преодолевая слабость, затянул монах целительную сутру.

Низкий, вибрирующий голос эхом разнесся под сводами тесной обители. Под воздействием святого слова движения наступающих чудовищ тут же сделались вязкими и заторможенными.

— Этот старец... — Дорё потрясенно уставился на него.

Он мгновенно понял, какую невероятную, смертоносную мощь сдерживал этот полуживой монах в одиночку. Но предаваться изумлению было некогда.

Дорё яростно направил все остатки духовных сил в парящий талисман. Небольшой огонек мгновенно взвился исполинским костром, отрезая чудовищ от выхода стеной очищающего пламени. Каждый, кто пытался прорваться сквозь этот барьер, обращался в пепел.

— Огненный дракон! — выкрикнула Сакуя, пуская в ход сильнейшее из своих заклятий.

Из вспыхнувшего в ее пальцах свитка вырвался колоссальный змей, свитый из чистого жара. С ревом пронесшись под сводами, он грозил превратить древнее деревянное святилище Якуси-нёрай в груды углей.

И почти сразу Кэн Фурукава понял, что предчувствие его не обмануло.

Липкая паутина, густо оплетавшая деревянные балки, вспыхнула как порох от малейшего прикосновения духовного пламени. Огонь распространялся с безумной, противоестественной скоростью. В считанные секунды весь алтарный зал превратился в бушующее огненное море.

— Проклятье, с этой паутиной что-то не так! — крикнул Дорё, ошеломленно глядя на

разбушевавшуюся стихию.

Его собственное пламя должно было пожирать только скверну и нечисть, не трогая обычное дерево. Но сейчас оно жрало эти шелковые нити с жадностью обычного костра, подпитывая дракона Сакуи. Этот проклятый шелк явно был соткан нечестивой силой!

— Господин Дорё, а как же монах?! — испуганно воскликнула Сакуя, поспешно обрывая связь с заклинанием.

Огненный змей мгновенно растаял, но было уже поздно. Бушующий пожар, охвативший сухие стены храма, потушить простым усилием воли было невозможно.

Дорё рванулся вперед, сию секунду пробиться сквозь пелену дыма к распятому монаху. Но ветхое, источенное гнилью и пауками здание не выдержало жара. С оглушительным треском тяжелая потолочная балка рухнула вниз, отрезав спасителю путь глухой стеной из углей и искр.

— Наставник! — Дорё яростно выругался, впервые в жизни так сильно пожалев о том, что пренебрегал талисманами водной стихии.

— Амида Будда, — тихо произнес монах Нёэй.

На его истощенном, освещенном багровым пламенем лице не отразилось ни тени страха. Глядя на то, как огонь пожирает бьющиеся в судорогах темные фигуры, он лишь печально, но облегченно улыбнулся.

— Это моя вина... Если бы я сразу понял, что они одержимы скверной, а не просто больны... этой трагедии удалось бы избежать. Теперь это единственное искупление, которое я могу им принести.

Старик слабо покачал головой, призывая Дорё отступить. И пока чудовища не оправились от оцепенения, его голос вновь зазвучал посреди ревающего ада, вознося последнюю, заупокойную молитву.

Огонь пожирал все на своем пути с безумной скоростью. Если бы Сакуя вовремя не призвала гигантского волкодава, который бережно вынес мальчишек из пекла, Кэн Фурукава рисковал расстаться с жизнью в первом же своем бою под этими пылающими сводами.

Дорё вывалился из пылающего зева храма последним. Его форменное одеяние онмёдзи превратилось в обугленные лохмотья, сквозь которые виднелись глубокие порезы и ожоги. Сильно обгоревшая нога едва слушалась его, заставляя сильно припадать на левый бок при каждом шаге.

— Дотин, Кэн... смотрите и запоминайте, — невозможная боль, выдавил Дорё, безжалостно

срывая тлеющие куски рукавов. — Вот кто заслуживает звания истинного монаха. А этот ублюдок Докай... Он ведь наверняка знал, что мы с Сакуей полагаемся на магию огня. И намеренно заманил нас в эту ловушку с горючим шелком. Тварь расчетливая...

Храм Якуси вспыхнул как факел. Сквозь рев разбушевавшегося пожара молитвенный напев старика становился все тише, пока окончательно не растворился в треске горящего дерева.

Дотин и Кэн Фурукава стояли как громом пораженные, не в силах отвести глаз от пепелища. Всего за один час перед ними разверзлась бездна человеческой низости — и тут же ослепила чистейшая вершина жертвенности. Души молодых учеников онемели от этого невыносимого контраста.

Сакуя до крови искусала губы. Душа ее разрывалась от жгучего чувства вины: если бы она не поддалась панике, если бы не выпустила своего дракона... старый наставник мог бы остаться в живых.

— Прекрати самоедство, Сакуя, — Дорё ободряюще, хоть и тяжело, хлопнул ее по плечу. — Дело не в тебе. Огненная стихия — самая популярная при изгнании нечисти. Почти любой опытный онмёдзи ударил бы пламенем, натолкнувшись на такое гнездо. Докай изначально рассчитывал именно на это...

Дорё не договорил, но Сакуя и без слов все поняла.

— Вот почему... все те прославленные мастера, что входили в эти ворота до нас, бесследно сгнули в стенах поместья? Они сами поджигали свои ловушки...

— План простой: перевязать раны и вырвать Докаю хребет, — голос Дорё звучал пугающе ровно, но Сакуя слишком хорошо его знала. За этим ледяным спокойствием скрывалось такое неистовство, которое могло сжечь весь мир.

— Но твои ожоги, брат... — Сакуя с тревогой взглянула на его изувеченную ногу. Да и у нее самой кружилась голова от потери сил.

Прежде чем бросать вызов безумцу Докаю, нужно было увести в безопасное место младших. Позволить погибнуть двум одаренным ученикам, у которых впереди была вся жизнь, означало бы полностью расписаться в собственной профнепригодности как наставников.

— Я... я тоже могу помочь! — Кэн Фурукава, уставший чувствовать себя бесполезным балластом, решительно шагнул вперед.

Дорё недоуменно вскинул бровь. Но парень уже выхватил из-за пазухи незнакомый талисман и звонко выкрикнул:

— Явись по моему зову, Хотаругуса!

«Хотаругуса?» — Дорё нахмурился.

В этот век, когда сумерки кишели тысячами неведомых тварей, даже великий Абэ-но Сэймэй не взялся бы утверждать, что знает каждого духа по имени. К тому же мастера часто давали фамильярам свои тайные прозвища. И все же, когда перед ними возник крохотный девичий силуэт, сжимающий в лапках исполинский, пушистый стебель одуванчика, Дорё невольно лишился дара речи.

В мире магии фамильяры принимали любые обличья. Разумеется, существовали и человекоподобные духи — ярчайшим примером тому служили Двенадцать Божественных Генералов Сэймэя. Да и другие сильные онмёдзи порой держали при себе антропоморфных слуг для бытовых нужд. Но чтобы обычный, еще не получивший звания ученик вот так просто, одним движением руки призвал столь идеальное человеческое воплощение?.. Дорё отказывался верить собственным глазам.

— Откуда у тебя такое?.. — опешила Сакуя, невольно подаваясь вперед.

— Хотаругуса, благословение исцеления! — Кэн проигнорировал их замешательство, спешно отдавая команду призванной помощнице.

Безмолвная девочка-дух покорно склонила голову. Взмахнув огромным одуванчиком, она сложила ладони у груди. Тотчас от ее крохотных пальцев разошлась мягкая, изумрудная волна теплого света. Едва сияние коснулось израненных тел Сакуи и Дорё, как обожженная плоть начала затягиваться, а страшные порезы исчезали прямо на глазах, оставляя лишь гладкую кожу.

— Исцеляющий дух... — выдохнул Дорё.

Они с Сакуей переглянулись, не скрывая священного трепета. Фамильяры, способные латать раны чистой магией жизни, ценились на вес золота.

— Я нашел ее на склонах горы Кибунэ, — заранее отрепетированная ложь сошла с губ Кэна на удивление легко и естественно. — Она была совсем слабеньким духом обычного сорняка, ее чуть не сожрал какой-то мелкий монстр. Я спас ее исключительно ради эксперимента с контрактом... Кто же знал, что после подчинения она примет человеческий облик и проявит такой редкий дар?

— Ну ты и везучий малый... — Дорё покачал головой.

Фамильяры-целители были величайшей редкостью. Даже в распоряжении самого Абэ-но Сэймэя их насчитывалось от силы два-три.

— Невероятная удача, — искренне позавидовала Сакуя, но, присмотревшись к парящей девочке, озадаченно нахмурилась: — Послушай, Кэн, а почему у нее такой пустой, безжизненный взгляд?

— Ну... госпожа Сакуя, при всем ее человеческом облике она все-таки обычная травинка, — Кэн развел руками с самым простодушным и обезоруживающим видом.

<http://bllate.org/book/18244/1748186>